

■ ■ ■ Гиперсетевая модель медиакоммуникации: новые качества рисков для детской аудитории

Полянина А.К.

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация.

Аннотация. Технологически обусловленный гиперболический рост коммуникативной связанности и несовершенство административных механизмов контроля над этим процессом приводят к пониманию новых феноменов и новых рисков, в том числе рисков в отношении наиболее уязвимой социальной группы – детей. В статье предлагается новый подход к описанию природы рисков медиапространства в отношении здоровья и развития детей. Минимизация этих рисков определяется автором как цель обеспечения информационной безопасности детей. Новые качества рисков описываются на основе гиперсетевой модели медиакоммуникации, разработанной на основе гиперсетевой теории мозга. Уточняются свойства гипер сетевого образования и их рискогенность, опосредованная сетевой морфологией связей, влекущей невозможность или неэффективность приложения привычных практик управления. Уязвимость детской группы перед этими рисками объясняется психологической незрелостью адаптивных средств. Отмечается значение феноменализации «медиа» и «информации» для целей информационной политики и обеспечения безопасности – медиабезопасности. Раскрываются тенденции гиперсети медиа, которые повышают риски, особенно обеспечиваемый технологиями рост скорости и объемов передачи информации, исключая действие известных механизмов регулирования оборота информации и фильтрации контента.

Ключевые слова: новые медиа, сетевое общество, информационная безопасность детей, вредная информация, гиперсеть, когнитом

Для цитирования: Полянина А.К. Гиперсетевая модель медиакоммуникации: новые качества рисков для детской аудитории // Коммуникология. 2021. Том 9. № 4. С. 148-159. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-4-148-159.

Сведения об авторе: Полянина Алла Керимовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского. Адрес: 603105, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23. E-mail: alker@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию: 30.10.2021. *Принята к печати:* 01.12.2021.

Стремительный рост возможностей информационного пространства обуславливает внимание к опасностям и рискам, исходящим от инфосферы в отношении детей. Качество жизни ребёнка, включающее комплекс значимых критериев детского благополучия (child wellbeing) выступает объектом негативного воздействия.

В зависимости от принятой трактовки значения понятия информации и связанных с нею феноменов – информационная продукция, информационная гигиена, медиа, медиапродукция, медиабезопасность и другие, подход к пониманию рисков будет существенно отличаться.

В законодательстве закреплено понятие информации с точки зрения содержательного аспекта как «сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления»¹ или «сведений, воспринимаемых человеком или специальными устройствами как отражение фактов материального мира в процессе коммуникации»². Семиотическая функция информации выдвигается в качестве важнейшей в гуманитарных областях знаний, например, в философии информация есть отражение мира на основе полученных сигналов. Кибернетический подход к информации основывается на свойстве информации устанавливать коммуникацию и обозначать содержание внешних данных, изменять систему в направлении самосохранения, уменьшать неопределённость и энтропию [Shannon]. Н.Н. Моисеев считал, что универсального понятия информации нет. Понимание информации как явления связывается им с её функциональностью, способностью указывать на обстоятельства, важные для принятия решения. А качество информации зависит от того, какое «решение она может обеспечить» [Моисеев]. Существует позиция, согласно которой информация есть базовый научный термин, не нуждающийся в дополнительном формулировании и раскрывающийся через прилагательные к нему, например, «конфиденциальная информация», «массовая информация», «достоверная информация», «генетическая информация» и так далее [Лысак].

Распространено мнение, что информация фактически выступает психической интернализацией смысла отдельными субъектами и зависит от личностной специфики этих субъектов. Информация предстаёт феноменом внутренней и внешней среды личности и не существует без интерпретирующего субъекта [Эрштейн]. Н. Луман считает информацию «событием, которое меняет состояние системы» [Luhmann].

В информатике информация выступает базовым термином и используется через операции с ней: сбор, хранение, обработка, передача, анализ и оценка. «Информация, не будучи «ни материей, ни энергией», может существовать только в зафиксированном состоянии» [Чернавский]. Внешне информация проявляется в форме, позволяющей осуществить её обработку, такую информацию называют «данными».

Информация – это то, что приходит извне, то есть входит в сознание путём обретения формы, доступной для принятия им. Распространено мнение, что фор-

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

² ГОСТ 7.0-99 Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения.

ма данных (сигнала, смысла) зависит исключительно от воспринимающего субъекта. Именно интерпретация данных реципиентом в определённом им контексте делает из них информацию. Фиксация информации сознанием осуществляется путём декодирования (обуславливания) её и изменяет структуру сознания, влияет на его развитие или деградацию, усложнение или упрощение.

Среди нейробиологов озвучивается необходимость разработки принципиально новой теории информации, объясняющей её возникновение в когнитивной системе и взаимодействие когнитивного агента с окружающим миром. На первый план выходят количественные аспекты потребляемой (воспринятой, усваиваемой информации) информации, и, соответственно, пределы объёма информации, доступной для адекватного усвоения. Предложенная Константином Анохиным теория гиперсетевой модели мозга, в качестве интегральной функции мозга указывает так называемый, когнитом, объединяющий две системы – систему мозга и систему разума – в одну гиперсистему, обладающую принципиально иными свойствами, отличными от свойств мозга или разума. Отношение субъекта, воспринимающего информационный сигнал, и окружающего мира кодируются кодами, являющимися собою «элементарные единицы опыта», которые связаны коммуникационными каналами – коммами. Система когов и комов и являет собой когнитом – «субстрат субъективного опыта» человека, опосредующего его отношения с информационным пространством. Учёным утверждается, что отношение между информационным пространством и мозгом относятся к более высокому уровню, нежели отношения окружающего мира и организма.

Феномен медиа

Информатизация и медиатизация жизни признаётся основной причиной информационно-зависимых заболеваний и связывается не столько с изменением содержания инфопотока, сколько с коренным преобразованием канала, по которому этот поток движется. Описание этого канала восходит к пониманию медиа. Отсутствие однозначной трактовки медиа создаёт сложности использования его как научного термина. Со времени активного использования этого понятия в научных кругах медиа рассматривалось с точки зрения влияния массовых взаимодействий на массовое сознание, детерминирующих культурно-исторический тип общества и даже новую эпоху. Теоретическое осмысление информационного общества, и далее, сетевого общества, привело к рассмотрению медиа в качестве субстрата сетевой, мозаичной структуры общества, с преобладанием горизонтальных связей, децентрализацией традиционных СМИ и их конвергенцией [Роголева].

Философское постижение феномена медиа выводит к осознанию медиального поворота современной культуры. В.В. Савчук отмечает становление медиа как «универсальной формы опосредования», ведущей к ситуации тотальности медиа. Медиа представляется нечто большим, чем канал передачи контента, не столько соединением «двух инстанций посылающего и получающего сообщения, сколько репрезентация единого» – новой реальности. Сам язык признаёт-

ся «особым и значимым медиа среди других». Поэтому акт коммуникации, в том числе посредством новых медиа, предстаёт не простым «перемещением некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, но переводом некоторого текста с языка моего «я» на язык твоего «ты»» [Лотман].

Симуляция реальности происходит путём создания и поддержания медиа режима иллюзии, «гипертрофированной эксплуатации двух каналов восприятия – аудио и видео, что в целом интерпретируется как новая форма насилия или «визуальный поворот» [Mitchell]. Изучение медиа как социально-культурного феномена и «явления, охватывающего весь комплекс коммуникационных технологий, <...> оказывающего сущностное влияние на саму коммуникацию и общество, в котором эта коммуникация свершается» [Коломиец 2014] привело к появлению нового направления социологии – медиасоциологии. Экспансия медиалогикой повседневной жизни людей и её институционализация в прочих социальных подсистемах обрела терминологическое воплощение в виде медиатизации, конкурирующей с ранее установленными принципами функционирования этих социальных подсистем [Cloudry].

Мгновенных коннект удалённых субъектов и групп, есть условие новой социальной среды – медиареальности, определяющий сущностные черты современного общества, его структуру и динамику [Савчук]. Так, медиа не просто транслируют контент, но создают тип восприятия, конструируют фокус зрения, определяют характеристики рецепции.

Существование информации и медиа взаимозависимо, исключение одного означает исключение другого. невозможна действительность информации вне канализации от источника к потребителю. Индивидуально сконструированная медиасреда составляет глобальную медиасферу, которая подобно кровеносной системе охватывает весь общественный организм, интегрируется и самоорганизуется. Одной из главных тенденцией медиасферы признаётся её непрерывное расширение [Рашкофф]. Социальные последствия расширения медиасферы объясняются следствием возникновения «нового масштаба, привносимого каждой новой технологией» [McLuhan].

Критики такой широкой трактовки медиа не без оснований сомневаются в концептуальной обоснованности самостоятельной феноменализации медиа и объясняют это метафоричностью его значения. Медиа представляется «метафорой посредничества», научное описание которого должно вернуться к истоку, а именно к изначальному техническому значению как «множества процессов производства, фиксации, сохранения, ретрансляции и воспроизводства образов и знаков, актуализированных и поддерживаемых при помощи техники» [Петренко]. Итак, в узком смысле понятие медиа относится к обозначению процесса движения информации с помощью технических средств, в широком смысле медиа есть важнейший фактор трансформации общества, общественного и индивидуального сознания.

Широкому пониманию медиа как детерминанты динамики процессов социокультурного пространства и даже некоего «мутагена» цивилизации соответствует представление об угрозах, обусловленных высоким суггестивным потенциалом уплотняющихся коммуникаций [Коломиец 2017]. Возникло большей частью в публицистике понятие «медиабезопасности». Однако технологией обеспечения медиабезопасности некоторыми её теоретиками видится медиаобразование, результатом которого является приобретение медиаграмотности – способности адекватного восприятия, интерпретации, оценки и создания медиатекстов, заменившее «устарелый» «инъекционный» («защитная», «прививочная») подход, согласно которому медиа выступает «агентом культурной деградации». Как видим, постулируемые цели медиаобразования относятся к журналистике, а медиаобразование выгладит её упрощённым вариантом, доступным для школьников и широкой публики. Между тем именно патерналистский подход наиболее соответствуют цели информационной безопасности детей.

Феноменальность медиа раскрывает природу рисков текущего и перспективного состояния информационного пространства детей. Понятие медиареальности сочетает семантический, смысловой и содержательный аспект информации, включая описание «плотности коммуникаций» (концентрации информационных потоков) и «частоты информационных стимулов».

Медиакогнитом

Экстраполируя разработанную К. Анохиным теорию гиперсетевой модели мозга на исследуемую нами область, медиа можно уподобить когнитому, то есть гиперсетевому образованию, где коги – это контент (собственно информация или коды), а коммы – канал (трафик/средство передачи). При этом характеристики гиперсистемы медиареальности не являются простым сложением характеристик контента и канала его передачи, но представляют собою принципиально новое явление. Новая сетевая морфология социальности [Castells] наиболее ярко выражена в характерной логике функционирования медиа. Инфраструктура гиперсети медиа, определяет основной способ организации общества, связывая всех социальных субъектов, образуя узлы сети, которыми может являться индивидуальный субъект или группа. Генерация индивидуального опыта в групповой посредством мощностей новейших медийных технологий является главным принципом функционирования сети, трансформирующей социальность и порождающей новую модель социализации [Саяпин 2014].

Медиареальность гранулярна, она состоит из сигналов, доступных для кодирования индивидуальным сознанием. Медиареальность опосредует взаимодействие организма и среды как связь индивидуального сознания людей посредством технологий, где объединение когов (опыта нескольких субъектов) являют узел (вершину) или гранул, а источники когов – основание индивидуальной рецепции сигнала, результат нейрокогнитивной функции мозга, то есть восприятие и интерпретация информационного сигнала индивидуумом.

Схематично это можно представить в образе пирамиды с вершиной в виде узла из индивидуальных интерпретаций контента разными субъектами, и основанием в виде индивидуальной рецепции сигнала каждым из них. Узлы могут объединяться и составлять группы, активность этих групп определяет динамику всей гиперсети [Barnes]. Восприятие и интерпретация сигнала следует за производством смысла и его трансляцией в сеть. При этом, как точно заметил М. Мамардашвили, послать текст не означает сообщить его [Мамардашвили], сообщение означает включение в диалог или хотя бы рецепцию. Для того чтобы рождённая мысль преобразовалась в контент (гранул) внутри сети, необходимо придать мысли форму, то есть сделать из неё информацию. Доступность этого контента для сознания других людей влечёт возможность создания связи на основе его интерпретации.

Появление связи – важнейшего элемента сети, можно описать с помощью принципов молекулярной физики – механизма взаимного притяжения и отталкивания молекул. Уплотнение коммуникации в гиперсети медиа есть результат притяжения и образуемых в результате него связей. Но притяжение имеет границы и заканчивается там, где расстояние между притягивающимися молекулами становится равным величине самой молекулы и тогда начинается отталкивание их друг от друга.

Притяжение молекул лежит в основе структуры вещества так же, как коммуникация в основе общества.

Притяжение обуславливает появление новых связей и возникает как реакция на контент, его интерпретация, то есть на основе когнитивных процессов. Для притяжения необходимо, чтобы контент был сформирован принял форму, явил себя в сети. Универсальной характеристикой этого процесса является скорость. Поэтому предельное расстояние между молекулами, в нашем случае – восприятием сигнала (интерпретацией смысла), можно представить в виде скорости и эта скорость равна скорости формулирования контента, преобразования смысла в информацию и представления её в сети, например, пост в социальных сетях, комментарии, новости и т.д.

Наблюдаемое сегодня сближение скорости формулирования идеи (рождения контента) и скорости его трансляции обеспечивается технологически и продолжится до того момента, пока эти скорости не совпадут. При появления технической возможности увеличения скорости преобразования мысли в общедоступный контент до скорости её трансляции (восприятия другими людьми), рост количества связей прекратиться, но это будет означать установление моментальной связи всех со всеми (рисунок 1).

Изменение процессов движения молекул меняет структуру вещества, превращая газ в жидкость, а жидкость в твёрдое тело. Рост скорости рождения новых связей меняет структуру общества. Скорость рецепции сигнала и скорость трансляции сигнала могут совпадать, например, при трансляции аудиосигнала.

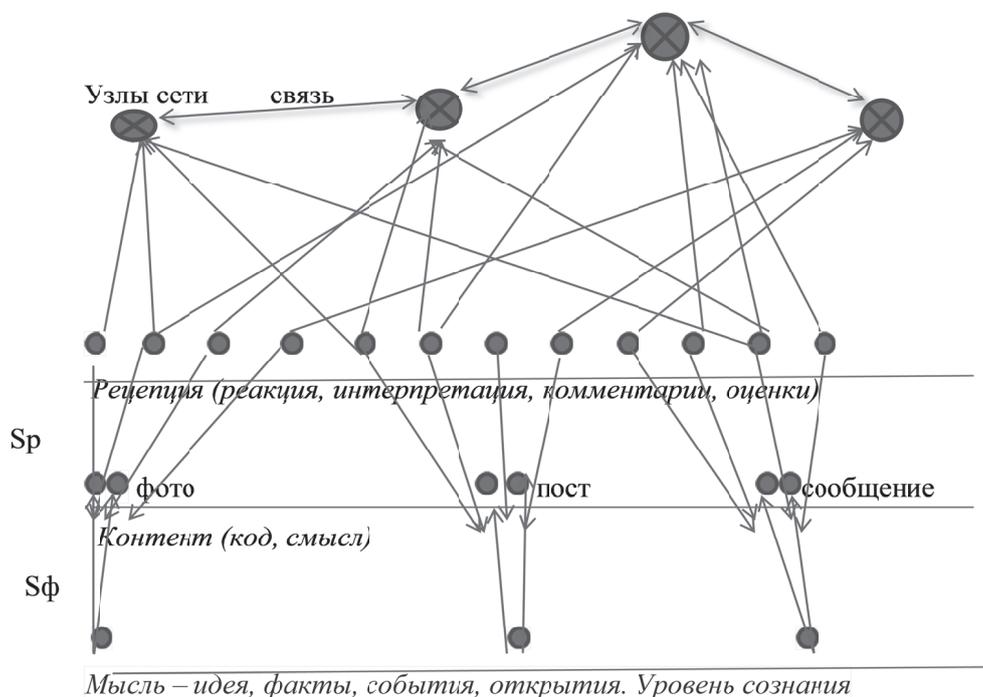

Рисунок 1. Гиперсетевая модель медиакommunikации /
Hypernet model of media communication

Где S_{ϕ} – скорость формирования контента, преобразования идеи в текст (любой материал, доступный для восприятия, включая фото и видео), а S_p – скорость рецепции, реагирования на этот контент в виде комментария, оценки. $S_{\phi} > S_p$. Направления (линии), исходящие от контента представляют формы индивидуальных реакции и, соединяясь, образуют узлы сети. Узлы взаимосвязаны друг с другом и связи между ними постоянно растут. Рост связей обусловлен тенденцией возрастания скорости рецепции S_p . Сокращение пути «от контента до реакции» (времени «ожидания реакции») означает минимизацию времени с момента появления контента в сети до его восприятия первым реципиентом. На сегодняшний день существуют такие типы контента, восприятие которых не требует санкции на это, например, аудиореклама, трансляция аудиопродукции. Скорость реакции во многом обусловлена формой контента, каналами трансляции и доступом к ним. Поэтому регулирование доступа к контенту означает контроль над ростом S_p . Скорость же формулирования медиатекста (путь «от идеи к контенту») опосредована технологически, технический прогресс увеличивает скорость доставки идеи в медиасеть (например, мгновенное размещение фотографии с места события в сети). Скорость формулирования S_{ϕ} исключает кон-

троль со стороны иерархических структур (государства и общественных структур), исключает момент фильтрации.

Гиперсетевая модель медиареальности раскрывает тенденцию сближения моментов рождения идеи или факта реальности и момента интерпретации её акторами сети. Поэтому объектом приложения управленческих усилий становится доступ к медиаканалу, как единственный подвергающийся контролю со стороны внешнего субъекта.

Гиперсетевые свойства рисков от информационного пространства

Принципами гиперсети медиареальности, опосредующие её рискогенность как сетевого образования и уточняющие цели медиабезопасности, являются:

1) ризоморфность – от «ризомы» (греч. rhiza – корень), множество беспорядочно переплетенных побегов вне какой либо определённой формы, растущих в любых направлениях медиареальность состоит из множества переплетающихся каналов (связей, коммов) обеспечивающих поток сигналов (кодов, когов), непредсказуемых в своём движении, постоянно генерирующихся и отмирающих [Делез, Гваттари];

2) децентрализованность – деиерархичность и равенство статусов центров активности, отсутствие центрального стержня действия («генетической оси») [Олескин];

3) синергетическая гиперсвязанность, то есть тесное кооперирование центров активности (узлов) и их взаимозависимость, порождение и распад связей случайны и непредсказуемы, они существуют непродолжительное время, новый узел несёт в себе потенцию связи – «контингентность»;

4) адаптивность – приспособляемость сети за счёт гибкости и автоматизма процесса изменения алгоритма своего функционирования с целью сохранения функции доставки сообщения, потоки могут менять «русло» и сохранять вектор движения, а также содержание – смысл сообщения, они способны к «самоорганизации и саморегуляции» [Коробейникова, Гиль], а трафик доставки сообщения не поддаётся фиксированию и, соответственно, невозможно купирование участка трафика опасного контента;

5) семантическая неконтролируемость – невозможность полной контентной фильтрации, «незначущий разрыв» означает незначительность усилий по уничтожению ризомы через ликвидацию её частей, место разрушения быстро заполняется новыми связями подобно Лернейской Гидре, у которой на месте срубленных отрастали новые головы, (например, благодаря привлечению внимание к скандалу вокруг запрещения контента);

6) омнипрезентность – (лат. – omni-praesentia) вездесущность, всеобъемлемость, всеприсутствие, означает тотальность сетевой логики, поглощение ей всех процессов социальной организации, доминирование морфологии над действием («как» над «что»);

7) увеличение скорости трансляции сигнала, сокращение временного промежутка между появлением идеи (или события) и его погружения в сеть;

8) гипертекстуальность – существование встроенных в текст гиперссылок, расширяющих контекст, метаморфность медиатекста, принимающего любую форму, доступную для восприятия, и при том сохраняющего код, усилия по нормативному (законодательному) формулированию критериев вредного контента девальвируются в связи с широкими возможностями контекстного камуфлирования контента под безвредный, но ссылающего на основной смысл, интерпретируемый при помощи метатекстуальных приёмов, ассоциаций и аналогий;

9) слоистость – существование слоёв, чередование уровней контента гиперсети медиареальности, где следующий пласт являет собою информацию, рецепция которой требует определённого уровня состояния сознания, профессионального аналитического, рождает новую стратификацию на основе доступности слоя;

10) тиражируемость – прирост экземпляров информационных кодов в разнообразных вариантах форм при сохранении одного смысла имитирует изобилие сведений при реальном их дефиците, тиражируются «копии копий» [Дукин];

11) доместикация технологий в домохозяйства, встраивание медиатехнологий в организацию домашнего пространства, до степени рутинности и привычности, «невидимости» «внутри повседневных руин семейной жизни» [Овчинская], образ «дома» теряет свои специфические социальные функции, становится филиалом школы, работы, досуга [Козырьков].

Таким образом, анализ принципов медиареальности как гиперсетевого образования позволяет констатировать расширение зоны риска от современного информационно-коммуникативного пространства и указывают направления обеспечения информационной безопасности детей. Сужение значения информационной безопасности до прикладных значений в отрыве от влияния трафиков доставки контента до сознания человека контрпродуктивно. Промежуточный эффект от пресечения распространения вредного контента без учёта алгоритма функционирования гиперсети медиареальности теряет смысл.

Особенность рисков получения детьми вреда от информации заключается в технологии приобщения к каналу, трафику доставки контента (сигнала, кода), то есть опосредованы морфологией связи на основе технических средств.

Кардинальное изменение принципов взаимодействия человека с коммуникативными средствами даёт возможность установить существование феномена медиареальности, где созданный контент немедленно обрастает интерпретацией, а индивидуальные интерпретации контента разными субъектами образуют связи и «связи связей» – гиперсеть медиареальности. Представленная гиперсетевая модель медиа позволяет описать функционирование, социальные эффекты и тенденции информационной среды, обозначить зону риска и поле приложения управленческих усилий.

Источники

- Анохин К.В. (2015). Когнитом: сетевое расширение теории функциональных систем // Современные проблемы системной регуляции физиологических функций. Материалы Конференции. М.: ФГБНУ «НИИНФ им. П.К. Анохина». С. 3-5.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (2001). Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. М.: Астрель.
- Дукин Р.А. (2016). Медиатизация современного общества: влияние социальных медиа // Теория и практика общественного развития. № 2. С. 24-26.
- Козырьков В.П. (2010). Направления и формы доместикации современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. № 1. С. 20-26.
- Коломиец В.П. (2014). Медиа социология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А.
- Коломиец В.П. (2017). Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. № 6. С. 3-14.
- Коробейникова Л.А., Гиль А.Ю. (2010). Сетевые структуры в условиях глобализации // Известия Томского политехнического университета. № 6. С. 105-109.
- Лотман Ю.М. (1998). Об искусстве. СПб.: Искусство.
- Лысак И.В. (2015) Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 2. С. 9-26.
- Мамардашвили М.К. (1996). Необходимость себя. М.: Лабиринт.
- Моисеев Н.Н. (1984). Люди и кибернетика М.: Мол. гвардия.
- Овчинская Е.В. (2017). Практики телепотребления россиян в условиях социокультурных изменений: автореферат дис. ... кандидата социологических наук. Москва.
- Олескин А.В. (2013). Сетевые структуры в биосистемах // Журнал общей биологии. Т. 74. № 2. С. 112-138.
- Петренко Д.В. (2015). Философия медиа: от имени к концепту // Философия и социальные науки. № 2. С. 10-14.
- Рашкофф Д. (2003). Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультракультура.
- Рогалева О.С., Шкайдерова Т.В. (2015). Новые медиа: эволюция понятия (аналитический обзор) // Вестник ОмГУ. № 1 (75). С. 222-225.
- Савчук В.В. (2013). Медиа внутри нас // Культурология. №2. С. 295-301.
- Саяпин В.О. (2014). Социокультурная трансформация после индустриальной эры: процессы виртуализации // Философские традиции и современность. № 2 (6). С. 84-105.
- Чернавский Д.С. (2009). Синергетика и информация (динамическая теория информации). М.: URSS.
- Эрштейн Л.Б. (2018). Об определении понятия информация // Метафизика. №3. С. 21-30.
- Barnes J. A. (1954). Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. Vol. 7. P. 39-58.
- Cloudry N. (2008). Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. *New Media & Society*. No. 10(3). P. 373-391.
- Luhmann N. (1987). *Soziale Systeme*. Frankfurt.
- Castells M. (2000). *The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. John Wiley & Sons.
- McLuhan M. (1994). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge; London: MIT Press.
- Shannon C.E. (1948). A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*. No. 27: 3. P. 379-423.

Stonier T. (1990). Information and the Internal Structure of the Universe: An Exploration into Information Physics. London: Springer-Verlag.

Thompson J. (1994). Social theory and the media. In: D. Crowley and D. Mitchell (eds) Communication Theory Today (Cambridge: Polity). P. 27-49.

■ ■ ■ Hypernet Model of Media Communication: new qualities of risks for children

Polyanina A.K.

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Abstract. The technologically determined hyperbolic growth of communicative connectivity and the imperfection of administrative mechanisms of control over this process lead to an emergence of new phenomena and new risks, including risks in relation to the most vulnerable social group – children. The article proposes a new approach to describing the nature of the risks of the media space in relation to the health and development of children. Minimization of these risks is defined by the author as the goal of ensuring the information security of children. New qualities of risks are described on the basis of a hypernet model of media communication and developed on the basis of the hypernetwork brain theory. The author specifies the properties of hypernet education and their riskiness, mediated by the network morphology of connections, which implies the impossibility or ineffectiveness of the application of customary management practices. The vulnerability of the child group to these risks stem from the psychological immaturity. The importance of the phenomenization of “media” and “information” is noted for the purposes of information policy and security – media security. The article reveals the tendencies of the media hypernetwork that increase the risks, especially the growth in the speed and volume of information transfer provided by technologies, which excludes the action of the well-known mechanisms for regulating the circulation of information and filtering content.

Keywords: new media, network society, information security of children, harmful information, hypernet, cognitome

For citation: Polyanina A.K. (2021). Hypernet Model of Media Communication: new qualities of risks for children. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No. 4. P. 148-159. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-4-148-159.

Inf. about the author: Polyanina Alla Kerimovna – CandSc (Soc.), associate professor of the Department of management and public administration of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. *Address:* 603105, Russia, Nizhny Novgorod, Gagarin av., 23. *E-mail:* alker@yandex.ru.

Received: 30.10.2021. *Accepted:* 01.12.2021.

References

Anokhin K.V. (2015). Cognitom: a network extension of the theory of functional systems. In: Modern problems of systemic regulation of physiological functions (conference papers). Moscow. P. 3-5 (In Rus.).

- Barnes J. A. (1954). Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. Vol. 7.P. 39-58.
- Castells M. (2000). *The Rise of The Network Society: The Information Age: Economy, Society and Culture*. John Wiley & Sons.
- Chernavsky D.S. (2009). Synergetics and information (dynamic information theory). M.: URSS (In Rus.).
- Cloudry N. (2008). Mediatization or mediation? Alternative understandings of the emergent space of digital storytelling. *New Media & Society*. No. 10(3). P. 373-391.
- Deleuze J., Guattari F. (2001). *Capitalism and Schizophrenia: A Thousand Plateaus* (transl.). M.: Astrel (In Rus.).
- Dukin R.A. (2016). Mediatization of modern society: the impact of social media. *Theory and practice of social development*. No. 2. P. 24-26 (In Rus.).
- Ershtein L.B. (2018). On the definition of the concept of information. *Metaphysics*. No. 3. P. 21-30.
- Kolomiets V.P. (2014). *Media Sociology: Theory and Practice*. M.: Voskhod-A (In Rus.).
- Kolomiets V.P. (2017). Sociology of Mass Communication in a Society of Communication Abundance. *Sociological Studies*. No. 6. P. 3-14 (In Rus.).
- Korobeynikova L.A., Gil A.Yu. (2010). Network structures in the context of globalization. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. No. 6. P. 105-109 (In Rus.).
- Kozyrkov V.P. (2010). Directions and forms of domestication of modern society. *Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Ser. Social sciences*. No. 1. P. 20-26 (In Rus.).
- Lotman Yu.M. (1998). *On Art*. SPb.: Art (In Rus.).
- Luhmann N. (1987). *Soziale Systeme*. Frankfurt.
- Lysak I.V. (2015) Information as a general scientific and philosophical concept: the main approaches to the definition. *Philosophical problems of information technology and cyberspace*. No. 2. P. 9-26 (In Rus.).
- Mamardashvili M.K. (1996). *The need self*. M.: Labyrinth (In Rus.).
- McLuhan M. (1994). *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge; London: MIT Press.
- Moiseev N.N. (1984). *People and cybernetics* M.: Molodaya gvardia (In Rus.).
- Oleskin A.V. (2013). Network structures in biosystems. *Journal of General Biology*. Vol. 74. No. 2. P. 112-138 (In Rus.).
- Ovchinskaya E.V. (2017). *The practice of TV consumption in Russians in the context of socio-cultural changes: abstract of thesis. ... a candidate of sociological sciences*. Moscow (In Rus.).
- Petrenko D.V. (2015). Philosophy of Media: From Name to Concept. *Philosophy and Social Sciences*. No. 2. P. 10-14 (In Rus.).
- Rogaleva O.S., Shkayderova T.V. (2015). New media: the evolution of the concept (analytical review). *Bulletin of OmSU*. No. 1 (75). P. 222-225 (In Rus.).
- Rushkoff D. (2003). *How Pop Culture Secretly Affects Your Mind*. M.: Ultra-culture.
- Savchuk V.V. (2013). Media inside us. *Culturology*. No. 2. P. 295-301 (In Rus.).
- Sayapin V.O. (2014). Socio-cultural transformation after the industrial era: virtualization processes. *Philosophical traditions and modernity*. No. 2(6). P. 84-105 (In Rus.).
- Shannon C.E. (1948). A Mathematical Theory of Communication. *Bell System Technical Journal*. No. 27: 3. P. 379-423.
- Stonier T. (1990). *Information and the Internal Structure of the Universe: An Exploration into Information Physics*. London: Springer-Verlag.
- Thompson J. (1994). Social theory and the media. In: D. Crowley and D. Mitchell (eds) *Communication Theory Today* (Cambridge: Polity). P. 27-49.